

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

БУКВАЛИЗМ ДРЕВНИХ ПЕРЕВОДОВ БИБЛИИ И ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОЙ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКИ ИСХОДНОГО ТЕКСТА

© 2003 В.И. Карпов

Институт языкознания РАН

Все ранние библейские тексты возникли в результате перевода: с древнееврейского на арамейский, с арамейского и древнееврейского на греческий, с греческого на готский, латинский, церковно-славянский, с латинского на германские и романские языки. Принято считать, что переводы Св. Писания, выполненные в эпоху раннего Средневековья, крайне буквалистичны [1; 3]. Правила требовали, чтобы одному слову оригинала соответствовало одно слово в переводе, причём пословность подразумевала и частеречное совпадение. В действительности количественное равенство слов выдержать было невозможно, поэтому часты были случаи, когда одно слово оригинала переводилось словосочетанием (гр. εὐνοῶν εἶσθι “быть мирно настроенным к к.-л.” - гот. *waila hugjands*; гр. ποτηρίον ψυχροῦ “стакан холодной воды” – гот. *stikla kaldis watins*) или в зависимости от контекста то одним, то другим эквивалентом (гр. κόσμος “мир” - гот. *fairhvus, manaseþs*), а разные слова – одним элементом (гр. βᾱττολογησῶ “пустословить” - гот. *filuwaurdjan* “многословить”, гр. ἐν τῇ πολυλογίᾳ “в многословии” - гот. *in filuwaurdein*). В результате полисемии слово уже не столько переводилось, сколько толковалось, и перевод из буквального становился интерпретирующим. Поскольку полисемия может реализовываться только в контексте, то единицей переводимости оказывались не изолированные слова, а словосочетания и фрагменты текста [7].

По мнению А.А.Алексеева, первые переводы Св. Писания порождали всё новые попытки перевести те же тексты, причём каждая новая версия отличалась большей степенью буквализма. “Усиление буквальности последующих переводов можно рас-

считать как универсальную тенденцию, известную многим древним литературам“ [1, 78]. Если первым переводам были присущи экспрессивность, простота стиля и относительная свобода в обращении с оригиналом, то в более поздних наблюдается стремление максимально приблизить исходный и конечный тексты. Помимо адекватной передачи содержания подлинника сближение с ним шло также по формально-грамматической линии вплоть до копирования порядка слов. Определённую роль играли тип и целевая направленность переводимого текста: Евангелия использовались миссионерами для проповеди Слова Божия среди язычников, Послания - для литургии в автономных церквях среди новообращённой паствы. Н.А.Мещерский и Дж.Барр называют три причины буквализма ранних переводов: во-первых, проповедники христианства среди язычников пользовались тем типом перевода, который был характерен для иудейской среды и оставался неизменным на протяжении столетий; во-вторых, интерпретировать Св.Писание было чрезвычайно трудно, не все переводчики обладали достаточной компетенцией, в то время как буквальный перевод оставлял возможность для многообразных толкований; в-третьих, необходимым этапом вхождения новых письменных языков в круг литературных языков данного культурного ареала было наличие переведённых священных книг, в структурно-семантическом плане калькировавших оригинал [9; 5; 1, 82].

Среди всего корпуса дошедших до нас ранних переводов Св.Писания готские тексты занимают особое место: они являются наиболее древними из сохранившихся памятников древнегерманской письменности,

представляют собой одну из первых попыток перевести Библию на “варварский”, несвященный язык, причём переводы были сделаны с греческого оригинала, в то время как на другие германские языки – с латинского. Мы, к сожалению, располагаем не самыми ранними готскими текстами: большинство из них датируется V-VI вв. и является более поздними списками первых переводов, сделанных епископом Ульфилой (311-383) для арианской общины готов. Признавая несомненной основой готской Библии ульфиловский текст, нельзя исключить, что он на протяжении последующих двух веков неоднократно редактировался и исправлялся, так что с каждой новой редакцией увеличивалась степень его буквализма. Остаётся открытым вопрос, какой греческий подлинник лёг в основу готского перевода. В критическом издании В.Штрайтберга приводится реконструированный текст возможного греческого оригинала, который считается германистами более или менее приемлемым [12]. Однако трудно с уверенностью утверждать, являются ли имеющиеся в готских рукописях отклонения от той или иной версии оригинала признаком свободного обращения переводчиков с греческим текстом, или же речь идёт о другом подлиннике, который не сохранился [8, 216-218].

Такая же проблема существует для установления источника церковно-славянских переводов. Здесь приходится работать со многими версиями, привлекая данные из других языков, чтобы установить исконно славянские модели и возможные структурно-семантические кальки [3]. Причём примеры, рассматриваемые славистами, касаются часто тех случаев, где источник мотивации для образования той или иной модели неоднозначен и для готского языка. В качестве примера приведём гот. *andwairþi* “лицо, наличие”. Чаше всего оно встречается в составе именных словосочетаний в функции определяемого слова для передачи предлога со значением “перед”: гот. *in andwairþja manne*– гр. *εμπροσθεν του ανθρωπων* “перед людьми”; гот. *in andwairþja weitwode*– гр. *επι μαρτυρων* “перед свидетелями”; гот. *in andwairþja hunslastadis*–гр. *εμπροσθεν του θυσιαστηριου* “перед жертвенником”;

гот. *in andwairþja guþs*– гр. *ενωπιον του θεου* “перед богом”.

Сочетание *in andwairþja* в функции локативного предлога употребляется в готских текстах 42 раза: в 21 случае оно передаёт гр. *ενωπιον* (“перед”), в 11- *εμπροσθεν* (“перед”), 2 раза- предлог *εναντιον* (“в присутствии”), по одному разу – предлоги *κατεναντι*, *εναντι* (“перед”), *επι* (“рядом”), *εξ εναντιας* (“напротив”) и сочетание *εις προσωπον* (“перед”). Частотность появления собственно готского предлога *faura* (“перед”) крайне низка – всего 9 случаев, поэтому модель *in andwairþja*+ Gen. остаётся вне конкуренции. Правда 5 раз встречается сочетание *faura andwairþja* с тем же значением: трижды оно калькирует гр. *προ προσωπου* (“перед лицом”) и по одному разу передаёт гр. *απο προσωπου* (“перед”) и *εμπροσθεν* (“впереди”).

Греческое *προσωπον* “лицо, облик; внешний вид” также могло выступать как в номинальном значении, так и в функции локативного предлога “перед”:

гр. *κατα προσωπον παντων των λαων*- гот. *in andwairþja allaizo manageino* “перед всеми народами” [Лк. 2,31]; гр. *εις προσωπον εκκλησιων*- гот. *in andwairþja aikkesjono* “перед церквями” [2 Кор. 8,24]; гр. *προ προσωπου αυτου*- гот. *faura andwairþja seinamma* “перед собой” [Лк.10,1]; *απο προσωπου φοβου θεου*- гот. *faura andwairþja agis guþs* “перед лицом страха Божьего”.

В своём номинальном значении *προσωπον* могло переводиться на готский словами со значением “лицо; облик, обличье” (*andawleizn, wlits*): *jah wlits is auralja bibundans* “и лицо его платком обвитое” [Ин.11,44]; *wlit skalkis nimands* “облик раба приняв” [Фил.2,7]; *þanuh spiwun ana andawleizn is* “тогда же плевали в лицо его” [Мф. 26,67]. В одном случае наряду с ними употребляется *andwairþi*: *jah dugunnun sumai speiwan ana wlit is jah huljan andwairþi is* “и начали некоторые плевать в лицо его и закрывать вид его” (ср. гр. *και ηρξαντο τινες εμπιουειν αυτω και περικαλυπτειν αυτου το προσωπον* “и начали некоторые оплёвывать его и закрывать его лицо”) [Мк. 14,65].

Как видно из примеров, корреляция *προσωπον*- *andwairþi* не представляет собой правила; если случаи совпадения и можно объяснить буквализмом перевода, то источ-

ник его явно не греческий, поскольку последний не демонстрирует регулярности в употреблении той или иной модели, а гот-

ские переводчики не стремятся последовательно калькировать греческие образцы :

[Мф. 11,10]: ik insandja aggilu meinana faura þus
 [Лк. 7,27]: ik insandja aggilu meinana faura andwairþja þeinamma
 εγω αποστέλλω τον αγγελον μου про προσωπου σου
 я посылаю ангела моего пред лицом твоим,

[Мф. 11,10]: saei gamanweiþ wig þeinana faura þus
 [Лк. 7,27]: saei gamanweiþ wig þeinana faura þus
 ος κατασκευασει οδον σου εμπροσθεν σου
 который приготовит путь твой перед тобой.

Подобные случаи перевода греческой единицы, неравнозначной в принимающем языке, Е.М. Верещагин называет ан-изодинамией (от гр. αν-ισο-δυναμις “неравносиле”) и отмечает, что те примеры, которые не могут быть разъяснены обращением к греческому источнику, разъясняются при привлечении текстов на иврите [3, 149]. Влияние иврита на славянские переводы могло быть как опосредованным (через греческие рукописи), так и непосредственным при работе с древнееврейским оригиналом. Примером первого может служить употребление ц-сл. предлога къ с глаголами говорения (ср. гр. προς, гот. du). Под непосредственным влиянием иврита происходило пополнение морфемно-грамматического фонда языка, например, использование полнозначных лексем типа “лицо” или “рука” в функции предлогов. Лексико – грамматические семитизмы позже из текстов устранялись, так что др.-евр. li-fne “к лицу” передавалось предлогом “перед”, в то время как др.-евр. et-fene “перед лицом” переводилось буквально [1, 80]. Готские переводы появились на пять веков раньше славянских и соотносились с более древними греческими рукописями, которые, видимо, ещё сохраняли следы семитского влияния, характерного для греческого койне иудейско-палестинского населения первых веков нашей эры. Это объясняло бы последовательную передачу др.-евр. li-fne гот. in andwairþja, а др.-евр. et-fene гот. faura andwairþja.

Здесь мы сталкиваемся с тем случаем, когда трудно установить природу несоот-

ветствия моделей сравниваемых текстов; если признать достоверность оригинала, то готские переводчики приёмом добавления трансформировали греческую конструкцию с целью предельно точного описания ситуации, имея перед собой модель из других отрезков текста. Однако можно предположить, что греческие редакторы упростили текст, не сумев найти адекватные средства для передачи полисемии семитских единиц: синонимия не типична для языка Нового Завета. Впрочем, и готские переводчики избегали излишней свободы при подборе слов, стремясь точно передать структуру оригинальных моделей, особенно, если в основе лежали семитские конструкции: гот. sunþus brufþadis - гр. οι υιοι του νυμφωνος “сыны чертога брачного” [Мф. 9,15]; гот. sunþus þeihvohs- гр. οι υιοι βροντης “сыны грома” [Мк.3,17]; гот. þai sunþus þis aiwis frodozans sunum liuhdis sind - гр. οι υιοι του αιωνος τουτου φρονιωτεροι υπερ τους υιους του φωτος “сыны сего века догадливее сынов света” [Лк. 16,8]; гот. usstassais sunþus - гр. της αναστασεως υιοι “воскресения сыны” [Лк. 20,36]; sa sunus fralustais - гр. ο υιος της απωλειας “сын погибели” [Ин. 17,12]; гот. in sunum ungalauþeinais- гр. εν τοις υιοις της απειθειας “в сынах неверия” [Еф. 2,2]. Согласно др.-евр. обороту речи, слово ben (сын) употреблялось во множестве выражений для обозначения качества принадлежности, зависимости, сходства [6, 442-443]. Во всех случаях употребления при переводе на другие языки оно не заменялось лексическими эквивалентами, несмотря на то, что в и.-е. языках данное слово не обладало столь

широким спектром значений (его этимология не ясна; З.Файст возводит гот. *sunus* к и.-е. корню со значением “родить”, исходя из др.-инд. *sutas* “рождённый (сын)”, др.-ирл. *suth* “рождение, плод”; Ф. Клюге реконструирует и.-е. корень **sue* со значением принадлежности [10; 11]). Даже если мы и допускаем в значении этого слова семантику принадлежности, то исходим мы не из этимологии по Ф.Клюге, а из логики родственных связей: сын/дочь-отец и мать-семья-род; ребёнок принадлежит родителям, является членом семьи и представителем рода. Развитие полисемии др.-евр. слова, видимо, связано с подобным алгоритмом расширения значения с его последующим обобщением. В и.-е. языках оно не проделало такой путь, и словосочетания подобного типа возникали и возникают в них под влиянием известных библеизмов.

Для адекватной передачи плана содержания при сохранении структурной организации исходного текста немаловажным оказывалось лингвистическое родство языков. Чем больше лингвокультурная общность языков, тем легче выдержать пословность без ущерба для смысла. В противном случае буквализм мог приводить к некоторой трансформации семантики исходных конструкций. На синтаксическом уровне происходило, например, перераспределение синтагм и, как следствие, перенос смыслового ударения (в синодальных переводах на русский язык во избежание искажения смысла используются добавления, которые печатаются курсивом), например [Рим. 8,36]: гот. *swaswe gameli ist þatei in þuk gadauþjanda all dagis, rahnidai wesum swe lamba slauhtais* “как сказано, что ради тебя умерщвляемы всякого дня, сосчитаны бывши как овцы заклания” (в синодальном переводе: “считают нас за овец, *обречённых* на заклание”), гр. *ελογισθημεν ως προβατα σφαυης* “сосчитаны как овцы (κ) закланию”. Существительное в родительном падеже в готском выступает в функции генетивного атрибута при предшествующем ему слове, в греческом оно зависит от глагола и употребляется как обстоятельство цели.

При переводе могли по-разному акцентироваться аксиологические характеристики деятельности агенса: гот. *unte sunnon*

seina urraneiþ ana ubilans jah godans jah rigniþ ana garaihtans jah ana inwindans “ибо солнце своё воздвигает над злыми и добрыми и дождит над праведными и необращёнными”- гр. *οτι τον ηλιον αυτου ανατελλει επι πονηρους και αγαθους και βρεχει επι δικαιους και αδικοις* (синодальный перевод: “ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных”) [Мф. 5,45]. Греческий глагол *ανατελλω* может переводиться на русский язык сочетанием “повелевать взойти”, поскольку в поэтической речи приставка *ανα* употреблялась как элемент императива вместо глагола в значениях “встань” и “подними(сь) вверх”. Глагол *βρεχω* означал “орошать, ороплять, увлажнять, смачивать”, в новозаветных текстах прибавилось значение “орошать дождём”, причём коннотация произошла вследствие переноса значения с существительного (гр. *υετος βρεχει* “дождь орошает”). Авторы русского синодального перевода данное словосочетание отождествили с глаголом *ωσ* “посылать дождь”, что позволило им последовательно передать образ Бога как царя, повелевающего силами небесными. В новозаветную эпоху от *βρεχω* было образовано существительное *βροχη* “дождь” (в более широком смысле “осадки”, если учитывать семантику глагола): гр. *και κατεβη η βροχη* “и пошёл дождь”- гот. *jah attidja dalaf rign* [Мф. 7,27].

При изучении ранних библейских переводов главная задача - установить, являются ли те или иные модели типичными для принимающего языка и насколько их лексико-семантическое содержание адекватно семантике оригинала и понятно адресату. Если ориентация переводчиков в ключевых позициях на автохтонные мировоззренческие концепции вызывала на первых порах некоторое отклонение от семантических моделей подлинника [4, 151], то это не приводило неизбежно к значительной трансформации понятий и категорий последнего. Контекст чётко разграничивал разные значения слова, не допуская смешения смыслов, в результате чего расширялся спектр его значений, что вело к полисемии, а затем к омонимии. Пониманию подвергалось слово не в изолированном употреблении, а в реальности текста, где моделировались оп-

ределённые контексты, так что словесный материал помимо своих прямых языковых значений приобретал коннотации, обусловленные его организацией в рамках текстовой целостности и зависевшие от его способности не только выразить практически возникавшие ситуации, но также моделировать огромное число совершенно новых ситуаций [2, 25-26]. Первичные значения исконной лексики в библейском употреблении были нейтрализованы контекстом. Формировавшаяся христианская языковая картина мира ещё сохраняла связь с языческим мировоззрением, реликты которого присутствовали в текстах в виде архаичных лексем древнего культа с элементами прежнего смысла. Однако языческая лексика была подчинена контексту, в котором по-новому структурировались внутренние соотношения различных элементов, и её семантика трансформировалась под его давлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии/ А.А. Алексеев. - СПб., 1999.
2. Босова Л.М. Когнитивные основы перевода как вида межкультурной коммуникации/ Л.М. Босова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. - М., 2002.
3. Верещагин Е.М. Гебраизмы, опосредованные греческим языком, в переводах первоучителей славян Кирилла и Мефодия/ Е.М. Верещагин // Славянское языкознание. XII международный съезд славистов: доклады российской делегации. - М., 1998.
4. Ганина Н.А. Готская языческая лексика/ Н.А. Ганина. - М., 2001.
5. Мещерский Н.А. К вопросу о культурно-исторической общности литературно-письменных языков / Н.А. Мещерский // Вест. ЛГУ. - 1973. - № 14.- С. 103-110.
6. Нюстрем Э. Библейский словарь/ Э. Нюстрем. - СПб., 2001.
7. Топорова Т.В. Проблема оригинальности: готские сложные слова и фрагменты текста/ Т.В. Топорова // ВЯ. - 1989. - № 1.- С. 64- 75.
8. Aland B., Aland K. Der Text des Neuen Testaments. Stuttgart, 1989
9. Barr J. The typology of literalism in ancient biblical translations. Göttingen, 1979.
10. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Halle/Saale, 1909.
11. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin-New York, 1975.
12. Streitberg W. Die gotische Bibel. I. Teil. Heidelberg, 1919.